

А. Марлинский

Фрегат Надежда

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Марлинский**
Фрегат Надежда / А. Марлинский – М.: Книга по Требованию, 2016. – 172 с.

ISBN 978-5-458-23408-5

ISBN 978-5-458-23408-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

то была пѣсня сирены. Часу въ 11-мъ ночи, весь Олимпъ спустился на землю. Длинные колесницы понесли по саду, и, право, блестящія дамы двора, которыя унизывали ихъ подобно ниткамъ жемчужнымъ, могли издали показаться мечтой поэта — такъ блестящи и воздушны были онѣ... не исключая и меня. На мнѣ тогда было глзетовое платье, которое, не знаю, право, почему, называется при дворѣ русскимъ, исподъ бѣлый атласный съ золотомъ... Что за фасонъ, что за шитье, Софьюшка — хоть на колѣни стать передъ нимъ! Новый беретъ съ райскою птичкою (мнѣ подарилъ его вчера мужъ мой) очень шелъ ко мнѣ, и еслибъ я не вѣрила зеркаламъ, то одобрительный около меня ропотъ мужчинъ могъ бы убѣдить самого Оому невѣрующаго, что твоя кузина очень недурна. Но ты ждешь, вѣрно, описанія петергофскаго маскарада, ш'аміе? Боже мой! да откуда я возьму памяти или порядка! Въ головѣ моей образы толкуются будто кошки... Генеральскія звѣзды гонять съ неба звѣзды неба, учтивыя рыбы Марлійскаго пруда парадируютъ вмѣстѣ съ гвардейскими болтунами, которымъ не худо бы взять у первыхъ нѣсколько уроковъ скромности, и я не могу вспомнить камеръ-юнкера, чуть не плачущаго надъ разбитымъ лорнетомъ, чтобы мнѣ не представился Сампсонъ, раздирающій льва. Статуи Аполлона Бельведерскаго и Актеона танцуютъ передо мной польскій съ графинею Зизи или княжною Биби... и я, правó, боюсь, что начну рассказывать тебѣ про комплименты

князя Этьена, а заключу грибожь точащимъ воду ¹⁾).

Впрочемъ, всѣ говорятъ, что маскарадъ былъ изъ самыхъ блистательныхъ, то есть давно не было истрчено такого множества румянъ и блестокъ, свѣчей и любезности. Твой дядюшка, *le cher homme*, навѣшалъ на себя столько украшеній, что насмѣшники увѣряли, будто онъ готовится къ художественной выставкѣ, а дородную москвитянку нашу, княгиню Z., за огромный шлейфъ ея, сравняли съ зловѣщею кометою, и совершенно даромъ: она такъ ловко носила хвостъ свой, какъ лисица. Ты помнишь, я думаю, высокаго адъютанта, который смѣшилъ насъ прошлую зиму своими наборными фразами, пахнувшими юфтью Буаста? *Eh bien, Sophie*, про него генеральша T. сказала, будто онъ доказалъ ей, что и башмаки есть оружіе наступательное! Да гдѣ мнѣ пересказать тебѣ всѣ остроты или всѣ плоскости, которыя сыпались въ толпѣ, какъ мишура съ платьевъ! гдѣ мнѣ припомнить всѣхъ, съ которыми прогуливалась я, рука съ рукой, въ этомъ маскарадѣ. Около меня змѣями вились золотые и серебряные аксельбанты, и не одна генеральская канитель, не одинъ черный усъ трепетали и крутились отъ удовольствія, когда я проносила: *avec plaisir, monsieur!* Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти попугаи съ бѣлыми и черными хохлами

---

¹⁾ Въ Петергофѣ есть бесѣдка въ видѣ гриба, которая неожиданно обливаешь водою.

на шляпахъ, милочка! Они, кажется, покупаютъ свои фразы вмѣстѣ съ перчатками. Какъ наши старинные московскіе обѣды начинались холоднымъ, такъ у нихъ неизбѣжно отправляется впередъ вопросъ: *Vous aimez la danse, madame?* — Нѣтъ, сударь! Я готова возненавидѣть танцы изъ-за танцоровъ, которые, какъ деревянная кукушка въ часахъ моей бабушки, вѣчно поютъ одно и то же и наводятъ тоску своимъ кукованьемъ. Бѣда съ такими кавалерами, но съ прославленными остроумцами—вдвое горе! Они жгутомъ крутятъ бѣдный мозгъ свой, чтобы выжать изъ него каплю розовой воды или укуса.

— Вы привлекаете на себя всѣ глаза и всѣ лорнеты, говорилъ мнѣ одинъ дипломатъ, покачиваясь такъ важно, какъ будто-бъ отъ его равновѣсія зависѣло равновѣсіе Европы.— И посмотрите, княгиня, какъ загораются, какъ блестятъ всѣ взоры, встрѣчаясь съ вашими; *c'est un véritable feu d'artifice.*

— Не совѣмъ, отвѣчала'я ему: *je vois beaucoup d'artifice, mais où est donc le feu?*

Повѣришь ли, *ma chérie*, что въ этомъ потокѣ головъ, въ этомъ млечномъ пути глазъ голубыхъ, сѣрыхъ, черныхъ, ни одно лицо не улыбнулось мнѣ, какъ бы я желала; ни одинъ взоръ не горѣлъ ко мнѣ участіемъ — я не нашла въ нихъ ничего оригинальнаго, ничего стѣящаго смѣха или мысли. Какъ мало здѣсь кавалеровъ! говаривали мы въ Москвѣ бѣлокаменной, — какъ мало людей! говорю

я здѣсь. Безхарактерность провела по всѣмъ свой ледяной уровень. Напрасно будешь вглядываться въ черты—не узнаешь ввѣкъ, какому народу, какому мнѣнію принадлежать эти люди. Подъ улыбкой вѣтъ выраженія, подъ словомъ не дороешься мысли, подъ орденами сердца. Это какая-то картина, покрытая ослѣпительнымъ лакомъ... ее дорого цѣнить по преданію, хотя никто не понялъ, что она изображаетъ. Во весь сегодняшний вечеръ, въ цѣлый вечеръ не удалось мнѣ ни услышать, ни подслушать ни одной рѣчи, которая бы врѣзалась въ память. Говорили, говорили они—да чего они не говорили, а что сказали? Только одинъ, разговаривая со мной, сдѣлалъ довольно удачное сравненіе.

— Посмотрите вдаль и вокругъ, сказалъ онъ:—не правда ли, что этотъ балъ похожъ на англійскій садъ? Перья и цвѣты на дамахъ качаются, какъ прелестный цвѣтникъ отъ поцѣлуя зефира. Тамъ тянется польскій, будто живая дорожка; тамъ купы офицеровъ съ зыбкими султанами стоятъ, какъ пальмы. Вотъ Уральскій хребетъ въ шитомъ златоносными песками мундирѣ! Вотъ пещера съ отголоскомъ, повторяющимъ сто разъ слово я. Далѣе, въ этомъ горбунѣ вы видите мостъ, который никуда не ведетъ; вездѣ золотые ключи, которые ничего не отпираютъ; тутъ погребальную урну, хранящую французскій табакъ, и дѣвушекъ, бродящихъ окрестъ съ невинными мечтами овечекъ. — Даже, продолжалъ мой насмѣшникъ, лукаво взглядывая на ряды пожилыхъ дамъ, — если позволено вздуть

сравненіе до гиперболы, мы можемъ найти здѣсь не одну живописную развалину, не одинъ обломокъ китайской стѣны, не одну готическую башню, изъ которой предрасудки выглядываютъ, какъ совы.

— *Воп Dieu*, какъ вы злы! возразила ему я:—развѣ нельзя для сравненія найти предметовъ болѣе игривыхъ? Вы бы могли, напримѣръ, помѣстить какойнибудь побѣдный памятникъ, какойнибудь храмъ въ этомъ саду, такъ же какъ въ Царскомъ Селѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ мой партнеръ, раскланиваясь: — я беру на себя роль роstralной колонны; но храмомъ, и притомъ храмомъ любви, будете вы!

Я съ улыбкой взглянула на привѣтника... Какъ жаль, что онъ не молодъ и не красивъ; и потомъ этотъ долгіи, тонкій носъ самая неудачная его острота...

Мы ужъ дома.

Любви? любви?—зачѣмъ эта мысль впелась въ мое сердце, закабаленное свѣту, какъ эта живая роза въ хитросплетенныя косы мои? Почему не могу выбросить ее за окно, какъ я бросаю эту розу? Отчего я вздыхаю каждый разъ, когда о ней услышу, и чуть не плачу, когда о ней вздумаю! О, добрая моя Софья! рѣзвая, беззаботная подруга моего дѣвчества! Еслибъ ты знала, изъ какого тяжелаго металла льются брачные вѣнцы, еслибъ ты повѣрила, что коробочка Пандоры есть необходимый свадебный подарокъ, ты бы пожалѣла меня. Столько блеску и такъ мало теплоты! Бѣгу на-

встрѣчу къ мужу моему, съ горячностію ласкаюсь къ нему... но онъ принимаетъ меня, какъ учитель дитя... онъ только терпитъ мои ласки, но не ищетъ ихъ, не отвѣчаетъ на нихъ. Я почти только и вижу его за столомъ... и тогда трюфели заманчивѣе для него всѣхъ очей въ мірѣ. Домой привозитъ онъ только усталость отъ службы и скуку отъ искательства, и когда любовь моя проситъ взаимности, онъ, зѣвая, говоритъ привѣтствія! Нужны ли мнѣ уборы, экипажи — онъ сыплеть деньгами. Вздумается ли мнѣ быть тамъ и тамъ, онъ не скажетъ: но, лишь бы я его не звала съ собою; а его улыбка, его радужное слово дороже мнѣ гостинца, и за одинъ поцѣлуй я бы готова недѣлю просидѣть дома. — Это почти жалоба, скажешь ты, моя милая. Нѣтъ, душечка! это мигъ нетерпѣнія, это пройдетъ; я только мимоходомъ хотѣла замѣтить, что грустно, очень грустно не имѣть прихотей, которыя бы не исполнялись, между тѣмъ какъ единственное сираведливое желаніе безотвѣтно и безнадежно! Сердце мое вянетъ на холодной золотой звѣздѣ... вянетъ... и гдѣ любовь, гдѣ самая дружба, чтобъ оживить его слезою участія?!..

Полночь. Темно и тихо кругомъ... только море, какъ любовникъ, грозитъ и ластится къ камнямъ Монплезира, въ которомъ живемъ мы; только вдали повременно мелькаютъ на яхтахъ огоньки, какъ неясныя мысли. Грусть клонитъ меня ко сну... до завтра, моя милая Софья.

Петергофъ, 1 іюля 1829 года.

Письмо второе.— Отъ той же къ той же.

Закладую свою слезу противъ блестки, да слезу, десять, двадцать слезъ даже (а это для меня не бездѣлица, какъ ты знаешь, милая кузина) — ты никакъ не угадаешь, гдѣ я была сегодня. На гуляньѣ верхомъ, на танцевальномъ завтракѣ? скажешь ты. О нѣтъ, это слишкомъ обыкновенно. На смотре войскъ? Мимо. На фейерверкѣ? Еще того менѣе. Я каталась, и знаешь ли гдѣ, и повѣришь ли на чемъ? Не въ прудѣ на паромѣ, не въ рѣкѣ на яликѣ — вообрази себѣ... я каталась въ открытомъ морѣ, на сорокашести-пушечномъ фрегатѣ! О, я увѣрена, что твое московское воображеніе, не выдавшее нигдѣ бури, кромѣ Чистыхъ Прудовъ, блѣднѣетъ передъ мыслию о неизмѣримости, объ ужасахъ моря. Сущія пустяки, моя милочка! Moda и насъ, робкихъ женщинъ, можетъ производить въ героини, а разъ ступивши на палубу, скоро такъ приглядишься къ страху, что въ океанѣ будешь какъ въ гостиной. Ну, право, море премилое созданіе, и мнѣ такъ полюбилось оно съ перваго визита нашего знакомства, что я готова бы совершить путешествіе кругомъ свѣта. Вообрази себѣ... но нѣтъ... лучше себѣ припомнить, что надо начать сначала... *m'у voilà*.

Я надѣюсь, ты слышала, какъ нынѣшній государь любить флотъ? Онъ воскресилъ его, онъ вдохнулъ въ него русскую силу и далъ ему чистые лавры подъ Цавариномъ. Государю угодно было угостить дворъ и посланниковъ прогулкою по морю; и

въ самомъ дѣлѣ, какое угощеніе отъ достойнаго внука Великаго Петра могло быть царственнѣе, величественнѣе этого!— Катера были готовы, утро — прелесть. Дворъ началъ размѣщаться... Признаюсь, неохотно разсталась я съ берегомъ; казалось мнѣ больно оторвать стопу отъ земли, и я съ трепетаніемъ сердца прыгнула въ катеръ. Но когда весла грянули, когда длинная вереница шлюпокъ, изъ коихъ каждая подебилась пловучей корзиной съ цвѣтами, ринулась въ море, и впереди всѣхъ орломъ полетѣлъ двадцати-весельный катеръ, несущій въ себѣ славу и надежду Россіи; когда берега стали бѣгомъ уходить отъ насъ, а далекій Кронштадтъ съ дремучимъ лѣсомъ мачтъ поплылъ къ намъ на встрѣчу; когда безграничное море развилось за нимъ, синѣя и сверкая — страхъ мой перелился въ тихое, новое для меня наслажденіе и мнѣ стало такъ хорошо въ ладѣ, будто въ колыбели когда-то.

И вотъ миновали мы Кронштадтъ и приблизились къ эскадрѣ, готовой вступить подъ паруса. Матросы унизывали всѣ снасти, всѣ рей въ узоръ и кричали ура! Едва государь съ высочайшимъ семействомъ взошелъ на адмиральскій корабль, весь флотъ поднялъ якоря, и катера наши приставали къ ближнимъ кораблямъ наудачу. Видъ былъ восхитительный! упавшіе паруса образовали словно пловучую стѣну съ огромными башнями. Мы долго спорили со своими подругами о выборѣ: одна хотѣла стопушечнаго корабля, толстаго, какъ нашъ предсѣдатель латы; другая, болѣе умѣренная, довольствовалась

семидесятымъ, лишь бы на немъ вѣялъ флагъ контръ-адмирала; третья желала сѣсть на раззолоченную, разряженную, будто на балъ, яхточку. Не знаю почему, только мнѣ всѣхъ болѣе понравился стройный фрегатъ, идеаль легкости, красоты и силы. Онъ такъ гордо бросалъ въ облака свои стрѣлы, долгіе флюгера его такъ остроумно и прихотливо сверкали въ воздухѣ, онъ самъ такъ важно колебался на волненіи, пушки его съ такимъ любопытствомъ выглядывали на насъ изъ оконъ, что во мнѣ родилось непреодолимое желаніе видѣть это милое чудовище у себя подъ ногою. Не знаю, краснѣе ли всѣхъ, или настойчивѣе всѣхъ подругъ моихъ на катерѣ была я, только побѣда осталась за мною. Офицеръ гвардейскаго экипажа, который лѣвою ногою управлялъ кормиломъ нашей двѣнадцативесельной республики, отдалъ честь моему вкусу и поворотилъ подъ корму моего любимца. На поясѣ рѣзной его галереи золотыми буквами написано было: «Надежда». Это одно слово стоило предпочтенія.

Висячая лѣстница устлана была флагами. Выходишь... вообрази себѣ! нѣтъ, ты не можешь себѣ вообразить, чтѣ я тамъ увидала; не знаю, съ чего начать, не знаю, можно ли кончить!.. то былъ новый міръ, то была чудная поэма. Помость чистый, выложенный, какъ столъ; снасти, закрученныя завитками, блоки сверкающіе, какъ серьги, сѣтки сплетенныя фантастическими кружевами, мѣдъ горитъ какъ золото; чугуны орудій, какъ сизое вороново крыло! И потомъ эта стройная суета кругомъ, это

необозримое раздолье передъ очами! По звуку серебряныхъ свистковъ, казалось, великанъ нашъ размахнулъ широко руками, чтобы поймать вѣтеръ; грудь его надулась, и онъ, съ каждымъ мигомъ ускоряя бѣгъ, ринулся наконецъ прямо, пожирая пространство. Голова моя закружилась какимъ-то обаятельнымъ вихремъ и когда глаза мои прояснѣли опять, они встрѣтились съ очами капитана корабля, котораго не разглядѣла я сначала, хотя онъ и привѣтствовалъ насъ при встрѣчѣ. Природа, какъ говорить Шекспиръ, могла бы указать на него пальцемъ и сказать: вотъ чудовѣкъ! Высокій, стройный станъ, благородная осанка и это не знаю что-то привлекательное въ лицѣ, нисколько не правильномъ, и столько выразительномъ, отличали его отъ прочихъ. Но глаза его—что это были за глаза, моя Софья! — влажные, голубые, какъ волна моря, они сверкали и хмурились подобно волнѣ, готовой и лелѣять, и поглотить того, кто ей ввѣрится. Въ приемахъ его не было модной вертлявости; въ немъ замѣтна была даже какая-то крутость, какая-то дикость, происходящая, быть можетъ, не отъ замѣшательства; со всѣмъ тѣмъ это очень шло къ нему. Онъ, краснѣя, говорилъ съ нами; онъ опускалъ очи передъ взорами дамъ, и сначала голосъ его дрожалъ, какъ металлическая струна цитры. И вотъ нашъ дикарь оправился, поднялъ свои огнистыя очи, сталъ рассказывать намъ о всѣхъ эволюціяхъ, о назначеніи каждой вещи такъ мило, такъ занимательно, такъ шутливо, что мы, женщины, забыли